

ВЫЖИТЬ

Сесилия Суарез

18+

Сесилия Суарез

Выкуп

<https://litres.ru/73899623>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Соня. Ты лежишь на своем похитителе, как на ортопедическом матрасе премиум-класса. У тебя шок. Стресс. Это не влечение. Это эволюционный механизм — прижаться к самому сильному самцу в пещере, чтобы не сожрал саблезубый тигр».

Эволюция, впрочем, не объясняла, почему ее бедра слегка поерзывали, устраиваясь поудобнее, и почему каждое его дыхание, щекочущее волоски на ее затылке, отзывалось тянущей болью внизу живота.

Она осторожно попыталась отодвинуться. Мышцы под его смуглой кожей напряглись.

— Лежи спокойно, — пробормотал он ей в макушку. Голос со сна был хриплым, низким, вибрирующим прямо в ее позвоночник. — Дай мне еще пять минут. Я не спал так хорошо лет десять.

Он — жестокий похититель, не знающий пощады. Я — дерзкая дочка мэра, привыкшая к золотой клетке. Он похитил меня по заказу врага, но узнал во мне девочку, которая спасла ему жизнь

одиннадцать лет назад. Теперь, чтобы сохранить мне жизнь, он должен похоронить меня заживо.

Содержание

Глава 1. У библиотеки пахнет ванилью и смертью	5
Глава 2. О вреде диетического печенья и пользе фальшивых похорон	13
Глава 3. О стокгольмском синдроме	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сесилия Суарез

Выкуп

Глава 1. У библиотеки пахнет ванилью и смертью

У библиотеки имени Некрасова пахло ванилью из соседней кофейни и старой бумагой. Соня Филина, балансируя стопкой книг по урбанистике у подбородка, искренне считала, что единственная опасность, подстерегающая ее этим вечером, — это штраф за просроченный томик Ремарка. Наивность дочери мэра, привитая частной школой и отсутствием контакта с реальностью за пределами Золотой Мили, была почти клинической.

Отец, разумеется, приставил к ней охрану. Два амбала в серых костюмах маячили у входа, старательно изображая любителей архитектурных излишеств сталинского ампира. Но Соня была не просто дочкой мэра. Она была дочкой хитрого мэра, который с детства учил ее: «Хочешь жить спокойно — умей прятаться на виду». У нее был проверенный ритуал: войти через центральные двери, выйти через служебный вход для персонала в переулке, пока охранники лениво пялятся в телефоны, ожидая ее у парадного крыльца. Двадцать

минут свободы до того, как они поднимут тревогу. Двадцать минут, чтобы вдохнуть воздух, не отфильтрованный политиками.

В переулке пахло мокрым асфальтом и немного мусорными баками, но Соню это не смущало. Она сделала глубокий вдох и улыбнулась серому московскому небу. «Маленькая победа, Сонька. Ты снова сделала папу седым на пару волосков».

Именно в этот момент, когда она нашаривала в сумке наушники, реальность решила напомнить о себе самым бесцеремонным образом.

Тень упала на нее раньше, чем звук шагов. Огромная, забирающая собой все пространство арки, отрезающая путь к свету фонаря. Соня даже не успела испугаться — сначала пришло возмущение. Ну серьезно? В двух шагах от Кремля? У них совсем нет уважения к субординации?

— Только пикни, и твой отец узнает, какого цвета у тебя кровь на асфальте, — голос прозвучал низко, тихо.

Чужая ладонь — горячая, шершавая, с твердыми мозолями у основания пальцев — зажала ей рот. Не грубо, чтобы сломать челюсть, а с расчетливой точностью профессионала: перекрыть доступ воздуха ровно настолько, чтобы подавить крик, но оставить возможность дышать носом. Пахло от ладони соляжкой и кофе. И еще чем-то... мужским, звериным, от чего волосы на затылке Сони встали дыбом не только от ужаса.

Второй рукой он прижал ее спиной к своей груди. Твердой, как гранитная плита. Соня замычала в ладонь, выронив книги. «Архитектурная среда мегаполиса» шлепнулась в лужу. Очень символично.

— Тихо, — шепнул он ей в самое ухо, и от горячего дыхания по шее побежали мурашки. Мурашки! У нее! В процессе похищения! «Великолепно, Соня. Твои гормоны решили устроить вечеринку в честь конца света».

Ее запихнули в фургон без окон. Не бросили, не ударили головой о косяк, а именно запихнули — аккуратно, но неумолимо, словно громоздкий антикварный комод. На голову натянули плотный черный мешок. Воняло пластиком и чьим-то давно выветрившимся парфюмом. Соня чихнула.

— Будь здорова, — раздался тот же низкий голос откуда-то спереди, из водительского отсека.

— Спасибо, — автоматически отозвалась Соня, и тут же мысленно дала себе подзатыльник. «Тебя похитили, дура! А ты ведешь светскую беседу!»

Машина тронулась плавно, без рывков. Соня сидела на чем-то, напоминающем кожаное сиденье, пристегнутая. Ремень безопасности. Похититель пристегнул ее ремнем безопасности. Абсурдность ситуации достигла такого градуса, что истерика отступила, уступив место любопытству пополам с черным юмором.

— Прошу прощения, — подала она голос, стараясь, чтобы он звучал твердо, хотя зубы предательски постукивали. — Я

понимаю, что график у вас, наверное, плотный, но не могли бы вы озвучить цель нашего маленького корпоратива? Это из-за поправок к бюджету? Если да, то папа тут ни при чем, это все дядя Гриша, у него пунктик на озеленение.

В ответ — тишина. Только ровный гул мотора.

— Молчание — знак согласия? — не унималась Соня. — Или вы просто не уполномочены вести переговоры? Я могу подождать менеджера высшего звена. У вас есть форма обратной связи? Я могу написать развернутый отзыв. Ой, простите, бумаги у меня с собой нет, руки связаны. В прямом смысле.

— Заткнись, — коротко бросил голос. Но в нем не было злобы. Скорее, усталое недоумение. Как у человека, который заказал тишину, а получил радиоприемник с болтливым диджеем.

Соня заткнулась. Но ненадолго.

— А можно вопрос не по существу? — пискнула она через пару минут. — А вы меня кормить будете? У меня низкий сахар, я могу упасть в обморок. В прошлый раз, когда я упала в обморок в опере, папа чуть не объявил войну Большому театру. Вам нужна международная огласка?

Впереди что-то звякнуло. Кажется, он уронил термос.

— Боже мой, — пробормотал он едва слышно. — У меня в салоне не дочь мэра, а стендап-комик.

Это прозвучало так по-человечески, так обреченно, что Соня, несмотря на мешок на голове и ужас положения, едва

не хихикнула.

Фургон остановился. Хлопнула водительская дверь. Через несколько секунд открылась боковая, и сильные руки вытащили ее наружу. Ее провели по какому-то гулкому коридору, пахнущему сыростью и железом, потом вниз по ступенькам. Эхо шагов звучало гулко, как в подземелье. «Отлично. Бункер. Маньяк со вкусом. Надеюсь, тут хотя бы вай-фай есть».

Ее усадили на что-то мягкое — диван? — и наконец сдернули мешок с головы.

Соня зажмурилась от яркого света одинокой лампочки под потолком, а когда открыла глаза...

Первое, что она увидела, — глаза. Стальные, с тяжелыми веками, смотрящие на нее в упор с выражением, от которого перехватило дыхание. Это не был взгляд насильника или убийцы. Это был взгляд человека, увидевшего привидение. Ошеломленный. Почти испуганный.

Он стоял перед ней на корточках. Огромный. В черной водолазке, обтягивающей широкие плечи и мускулистые руки с вздувшимися венами. Лицо грубой лепки, сломанный нос, жесткая щетина. Но в этих стальных глазах плескалось что-то до боли знакомое. И когда он медленно поднес свою ладонь к ее лицу и стер большим пальцем грязь с ее скулы, Соня вдруг вспомнила.

Дождь. Подворотня возле ее старого дома. Ей четырнадцать, она возвращается с музыки, с флейтой в чехле за спиной. Полицейские с автоматами, крики: «Стоять! Стрелять

буду!» И парень — нет, уже мужчина, но молодой, отчаянный, с разбитой губой — мечется между мусорными баками. Она дергает его за рукав грязной куртки и шипит: «Сюда! У ларька есть тропинка!» Она затаскивает его за ларек. Он смотрит на нее секунду, а потом исчезает в темноте парка, даже не поблагодарив.

Одиннадцать лет.

— Это ты, — выдохнула Соня, не веря своим глазам. — Тот самый парень с разбитой губой, про которого я соврала ментам. Ох, ничего себе у тебя карьерный рост. Из беглеца в похитителя. Впечатляет. Мама бы гордилась.

— Яр, — короткое имя, как удар хлыста. Сказал и замер. Его ладонь, все еще касающаяся ее щеки, дрогнула. — Ты... помнишь?

Голос его сел, став глухим и, кажется, еще ниже.

— Конечно, помню, — фыркнула Соня, хотя внутри все дрожало от переизбытка адреналина и эмоций. — Я тогда получила тройку по сольфеджио, потому что перенервничала из-за тебя. Всю жизнь мечтала спросить: оно того стоило? Ты хоть оторвался от погони или тебя потом поймали на выходе из парка?

Он не ответил. Он просто смотрел на нее, и в его глазах рушились какие-то невидимые стены. Соня видела, как напряглись желваки на его скулах.

— План меняется, — сказал он, наконец, поднимаясь во весь свой гигантский рост и отходя к металлическому столу.

— Ты не поедешь к заказчику.

— Да? — Соня поерзала на диване, пытаясь принять более удобную позу со связанными за спиной руками. — А куда мы поедем? В Диснейленд? Или у тебя абонемент в спасалон для пленниц?

Яр обернулся. И впервые за вечер в его глазах мелькнуло что-то похожее на смех. Нет, не улыбка. Скорее, тень улыбки в уголках жестких губ.

— Ты невыносима, Соня Филина, — сказал он, и это прозвучало почти как комплимент.

— Я знаю, — скромно потупилась она. — Это мой единственный недостаток. Ну, и еще то, что я не умею готовить оливье.

Он отвернулся к столу, загремел какими-то железками. Соня смотрела на его широкую спину, на то, как перекачиваются мышцы под тонкой тканью водолазки, и думала, что жизнь — удивительно идиотская штука. Тебя похищает мрачный гигант с глазами цвета штормового моря, а ты сидишь и гадаешь: кончится это все некрологом в газете «Ведомости» или первым за много лет приключением, от которого уже захватывает дух?

— Ты случайно не знаешь, — снова подала она голос, — у тебя тут случайно нет пледа? А то я замерзла. И еще... если можно, я бы предпочла умереть под саундтрек из «Великого Гэтсби». В конце концов, папа у меня мэр, надо уходить красиво.

Яр застыл с каким-то прибором в руках. Потом медленно, словно сомневаясь в собственном рассудке, снял со стула черный свитер грубой вязки и накинул ей на плечи. Свитер пах им — соляжкой, кофе и безопасностью. И это было самым странным и самым волнующим ощущением за весь вечер.

— Заткнись, Соня, — сказал он беззлобно, почти нежно. — И слушай сюда. Чтобы спасти твою болтливую жизнь, нам придется ее закончить. Официально. Я сделаю так, что завтра утром весь город будет считать тебя покойницей.

Соня моргнула. А потом ее губы растянулись в медленной, почти безумной улыбке.

— Я буду устраивать свои похороны? — переспросила она с искренним любопытством. — А можно мне будет выбрать цветы? Терпеть не могу гвоздики. Только белые розы. И чтобы оркестр. И обязательно фуршет. И...

Яр закрыл глаза и глубоко вздохнул. Где-то глубоко в его груди зародилось чувство, что он похитил не дочку мэра. Он похитил стихийное бедствие. И это бедствие, кажется, только начинало входить во вкус.

Глава 2. О вреде диетического печенья и пользе фальшивых похорон

Бункер оказался на удивление уютным — если, конечно, можно назвать уютным бетонную коробку на глубине пяти метров под землей, оборудованную с параноидальной заботой человека, который ждет конца света, но не хочет отказываться от кофе.

Соня сидела на продавленном, но чистом диване цвета хаки, завернувшись в его свитер, как в кокон. Шерсть пахла соляжкой, кофе и им. Этот запах действовал на нее странно — не раздражал, а успокаивал. Что было совершенно ненормально для жертвы похищения. «Надо будет обсудить это с психотерапевтом. Если доживу».

Яр возился у металлического стеллажа, звеня какими-то железками. Его движения были скупыми, точными, без суеты. Он двигался, как большой хищник в клетке — экономил энергию, но в любой момент готов взорваться действием. Соня наблюдала за ним, пользуясь тем, что он не смотрит. Широкие плечи, узкие бедра, тяжелая поступь. Задница в черных тактических штанах выглядела так, словно он приседал с вагонами, груженными чугуном.

— Ты пялишься, — сказал он, не оборачиваясь.

— Изучаю обстановку, — парировала Соня. — Вдруг ты маньяк-расчленитель. У вас, у маньяков, должны быть характерные улики. Бочки с кислотой, например. Или коллекция ногтей в баночках.

Он повернулся. В руке он держал галетное печенье и банку тушенки. Выражение его лица было сложным — смесь раздражения и недоверия к собственному терпению.

— У меня нет бочек с кислотой.

— А ногти? Или может обрезки волос?

— И ногтей нет. И волос нет.

— Скучно ты живешь, — вздохнула Соня. — Никакой фантазии.

Яр подошел и бросил пачку галет ей на колени. Потом, помедлив, сел на корточки перед ней и начал вскрывать тушенку охотничьим ножом. Лезвие блеснуло в тусклом свете. Соня проследила взглядом за движением его пальцев — длинных, с грубыми костяшками и коротко подстриженными ногтями. Руки человека, который привык работать. Или душиТЬ.

— Ты всегда такая? — спросил он, не глядя на нее.

— Какая?

— Болтливая. Неуместная. Словно тебя не похитили, а привезли на экскурсию в бомбоубежище.

Соня задумалась. Потом пожала плечами.

— Знаешь, когда всю жизнь проводишь в золотой клетке, где каждое твое слово взвешивают и оценивают на предмет

политических последствий, похищение — это почти отпущ. Здесь хотя бы можно материться. Или ты против мата?

— Я против глупых смертей, — отрезал он, протягивая ей вскрытую банку и пластиковую ложку. — Ешь.

Он развязал ей руки.

Соня взяла банку, стараясь не коснуться его пальцев. Не потому, что боялась. А потому, что хотела коснуться слишком сильно. И это ее пугало больше, чем бункер.

— А ты? — спросила она.

— Я позже.

— То есть ты будешь сидеть и смотреть, как я ем тушенку с галетами, как голодный пес? Это какая-то новая форма пытки? Моральная?

Яр снова посмотрел на нее этим своим тяжелым, стальным взглядом. В тусклом свете его глаза казались почти черными, но Соня уже знала — на самом деле они цвета грозового неба.

— Ты слишком много говоришь, Соня Филина.

— А ты слишком мало, — она отломил кусочек галеты и демонстративно макнула в тушенку. — Вот скажи, Яр. Я тебе жизнь спасла одиннадцать лет назад. А ты меня похитил. Это, по-твоему, благодарность? Где цветы? Где открытка «спасибо, что не сдала ментам»?

Он молчал. Но кончики его ушей — Соня готова была поклясться — слегка порозовели.

— Я не знал, что это ты, — сказал он наконец глухо. —

Когда брал заказ.

— А когда узнал?

— Когда снял мешок.

Соня перестала жевать. Что-то в его голосе — не грубость, а какая-то надломленная хрипотца — заставило ее сердце сжаться.

— И что ты почувствовал? — спросила она тихо, сама не зная, зачем.

Он поднялся. Отошел к столу. Спина напряжена, лопатки проступают даже сквозь водолазку.

— Злость, — бросил он через плечо. — На себя. На заказчика. На весь этот гребаный мир, в котором я должен выбирать между долгом и... — он осекся.

— И? — подсказала Соня, затаив дыхание.

— И тобой, — закончил он почти шепотом, и это признание повисло в воздухе бункера, как запах пороха после выстрела.

Тишина зазвенела. Соня смотрела на его напряженную спину, и внутри нее что-то медленно, опасно таяло.

— Ты серьезно? — выдохнула она. — Долг и я? Мы знакомы от силы три часа, из которых два я просидела в мешке, а один ем тушенку. Это какой-то синдром утенка? Ты меня вылупил из багажника — и теперь я твоя мама?

Он резко развернулся. Два шага — и он снова перед ней, нависает скалой, уперев руки по бокам от ее плеч в спинку дивана. Его лицо в сантиметре от ее. Горячее дыхание обжи-

гает губы.

— Ты не понимаешь, — прорычал он. — Я искал тебя. Одиннадцать лет. Я знал только, что тебе было около одиннадцати, что ты живешь где-то в центре и играешь на флейте. Я перерыл все музыкальные школы Москвы. Я хотел просто... увидеть. Убедиться, что у тебя все хорошо. Что та девочка, которая соврала ментам ради незнакомого отморозка, выросла счастливой.

Его глаза горели. Желваки ходили ходуном. Соня забыла, как дышать.

— А нашел — в папке с заказом на похищение, — закончил он горько. — С припиской «товар высшей категории, не повредить лицо». Ты понимаешь, что я почувствовал?

Соня сглотнула. Ее губы пересохли. Она облизала их — машинально, нервно, — и увидела, как его взгляд упал на ее рот и замер. Зрачки расширились, поглощая сталь радужки.

— И что ты теперь будешь делать? — спросила она севшим голосом.

— Спасать тебя, — сказал он просто. — Даже если ты сама этого не хочешь.

— Я хочу, — выпалила Соня быстрее, чем подумала. — То есть... я хочу жить. И желательно не в бочке с кислотой. Но есть нюанс.

— Какой?

— Ты обещал мне фальшивые похороны. И я хочу, чтобы они были эпичными.

Яр моргнул. А потом — впервые с момента их встречи — его губы дрогнули в чем-то, отдаленно напоминающем улыбку. Кривую, усталую, но настоящую.

— Ты невозможна, — выдохнул он.

— Зато нескучно, — согласилась Соня. — Признайся, когда ты последний раз смеялся?

Он задумался. Потом сел рядом с ней на диван — тяжело, устало, словно гора с плеч. Плечо к плечу. Даже через три слоя ткани (его водолазка, ее тонкая блузка под его свитером) она чувствовала жар его тела. Он был горячим, как печка.

— Не помню, — признался он. — Может, никогда.

— Это печально, Яр. Очень печально. Хочешь, я расскажу тебе анекдот про мэра, прокурора и осла на выборах?

— Нет.

— Зря. Он смешной. Там еще мой папа фигурирует. Ну, в переносном смысле. Или в прямом. Сложно сказать.

Яр закрыл глаза и уронил голову на спинку дивана. Его профиль в полумраке был резким, словно вырезанным из камня — сломанный нос, твердый подбородок, темные ресницы, отбрасывающие тени на скулы. Соня смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается тепло — опасное, липкое, сладкое. «Так, Соня. Соберись. Он похититель. Уголовник. Человек, который завтра будет инсценировать твою смерть. Не время для влажных фантазий».

Но ее тело, предательское, как всегда, думало иначе. Она

чувствовала его жар кожей. Слышала его дыхание — ровное, глубокое. И отчаянно хотела прикоснуться.

— Ты устал, — сказала она тихо. — Иди спать. Я обещаю не сбегать. Тут все равно бежать некуда, одни бетонные стены и твои банки с тушенкой.

Он открыл глаза и повернул голову к ней. Их лица оказались слишком близко. Она видела каждую ресничку, каждую пору на его коже, маленький шрам над бровью.

— Кровать одна, — сказал он.

— В смысле?

— В бункере одна кровать. Я сплю на полу.

Соня возмущенно выпрямилась.

— Нет уж! Ты гигант два метра ростом, а я маленькая. Это я должна спать на полу! И вообще, это твой бункер, ты не должен страдать за свое гостеприимство.

— Ты — моя гостья. Пусть и невольная. Гость спит на кровати.

— А ты на холодном бетоне? Чтобы завтра заболеть и не смочь меня защищать? Очень предусмотрительно, Яр. Просто гениальная стратегия.

Он смотрел на нее с тем самым выражением «я-похитил-стихийное-бедствие», которое уже становилось привычным.

— Что ты предлагаешь? — спросил он с подозрением.

Соня набрала побольше воздуха. Ее сердце колотилось где-то в горле.

— Кровать широкая, — сказала она, глядя в стену. — Мы взрослые люди. У нас стрессовая ситуация. Ничего такого. Просто сон. Параллельно. Как бревна.

— Как бревна, — повторил он.

— Именно. У меня даже есть опыт. Я в детстве спала с плюшевым медведем. Ты примерно такого же размера.

— Ты сейчас сравнила меня с плюшевым медведем.

— Ну... он был коричневый. А ты больше серый. Как волк. Но суть та же.

Яр снова закрыл глаза. Его губы беззвучно шевелились — кажется, он считал до десяти. Или молился. Или и то, и другое.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но если ты будешь болтать во сне, я тебя придушу. Молча.

— Договорились, — просияла Соня. — Я буду храпеть молча.

Через пятнадцать минут, когда свет в бункере погас и остался только тусклый аварийный огонек над дверью, они лежали на разложенном диване, укрытые одним колючим армейским одеялом. Спиной к спине. Соня чувствовала каждое его движение, каждый вздох. Его спина была горячей, твердой, как батарея. Она лежала, замерев, боясь пошевелиться, и слушала его дыхание.

Оно было неровным. Он тоже не спал.

— Яр, — прошептала она в темноту.

— М-м-м? — отозвался он низким, грудным звуком, от

которого по ее позвоночнику пробежала дрожь.

— А у тебя есть девушка? Ну, там... жена? Невеста? Боевая подруга с автоматом?

Пауза.

— Нет.

— А почему?

Снова пауза. Долгая.

— Потому что я не умею... быть с кем-то. Я привык быть один.

Соня проглотила комок в горле. Ей вдруг стало невыносимо грустно за этого огромного, жесткого мужчину, который не умеет быть с кем-то.

— Это неправда, — сказала она тихо. — Ты умеешь. Ты просто боишься.

Он ничего не ответил. Но его спина напряглась еще сильнее.

Соня медленно, очень медленно, повернулась. Одеяло зашуршало. Она коснулась его плеча — сначала кончиками пальцев, потом всей ладонью. Мышцы под водолазкой были каменными.

— Яр, — позвала она снова. — Повернись ко мне. Пожалуйста.

Он не двигался. Секунда. Две. Пять.

А потом он повернулся. Резко, одним хищным движением, и вдруг она оказалась прижатой к его груди, а его рука легла на ее талию — тяжелая, горячая, властная. Его лицо

было так близко, что она чувствовала его дыхание на своих губах. Глаза в темноте казались бездонными.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — прошептал он хрипло. — Я не тот человек, с которым можно просто «спать как бревна». Я опасен, Соня. Я могу сломать тебя. Даже не желая этого.

Ее сердце билось так громко, что, казалось, он должен его слышать. Но страха не было. Было что-то другое — горячее, тягучее, заставляющее ее податься вперед, сокращая и без того ничтожное расстояние между их губами.

— А я не такая хрупкая, как кажусь, — выдохнула она. — Я дочь мэра. Я выжила в политических интригах. Переживу и тебя.

Его рука на ее талии сжалась. Он смотрел на ее губы. Она видела, как дергается кадык на его шее. Война внутри него была почти осязаемой.

— Спи, — приказал он наконец, и голос его был грубым, срывающимся. — У тебя скоро похороны.

Она закрыла глаза, уткнувшись носом в его горячую шею, вдыхая его запах: соль, кофе, мужчина, и впервые за много лет уснула без снотворного. В руках своего похитителя. Как в самом безопасном месте на земле.

Глава 3. О СТОКГОЛЬМСКОМ СИНДРОМЕ

Проснулась Соня от того, что ей было жарко. Не просто тепло — а адски, неприлично, влажно жарко, словно она уснула в сауне, забыв снять свитер. Но свитер она стянула ночью, как и платье, откинув на пол. Надеялась проснуться раньше него и одеться. Она попыталась пошевелиться и обнаружила, что не может. Что-то тяжелое и горячее придавило ее к матрасу, обхватив поперек живота и закинув ногу на ее бедра.

«Ох», — подумала она, окончательно просыпаясь.

Это была нога Яра. Тяжелая, мускулистая, в одних боксерах (видно, он тоже разделся от жары ночью), и она лежала на ней так, словно он боялся, что Соня испарится за ночь. Его рука покоилась у нее под грудью, ладонь плоско прижималась к ребрам, а большой палец касался нижней чашечки лифчика. Ее собственное тело предательски вжалось в него, ягодицами ощущая каждую твердую линию его таза.

«Соня. Ты лежишь на своем похитителе, как на ортопедическом матрасе премиум-класса. У тебя шок. Стресс. Это не влечение. Это эволюционный механизм — прижаться к самому сильному самцу в пещере, чтобы не сожрал саблезубый тигр».

Эволюция, впрочем, не объясняла, почему ее бедра слегка поерзывали, устраиваясь поудобнее, и почему каждое его дыхание, щекочущее волоски на ее затылке, отзывалось тянущей болью внизу живота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.